

ИВАН ЛЮБЕНКО

СЛЕПЕНЬ

Ставрополь-Губернский. № 11.
Северный вид.

Иван Иванович Любенко

Слепень

Серия «Клим Ардашев», книга 15

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53623701

Аннотация

1909 год. В газете «Голос Ставрополя» опубликовано анонимное письмо некоего Слепня, заочно осудившего и приговорившего к смертной казни трёх известных в городе людей: чиновника Губернского Правления, судью Окружного суда и вольнопрактикующего врача. Им предлагается послать на почтамт покаянные письма до востребования подателю рублёвой купюры номер ВГ 387215. А чуть позже каждый из приговорённых лиц получает по посылке. В них странные предметы: вилка для мясной нарезки, кусок сыра, крысиный хвост, охотничья пуля и по 30 монет серебром разного достоинства. Убедившись, что посылки получены, Слепень начинает приводить приговоры в исполнение. Город в страхе. Вскоре выбраны следующие жертвы и новая статья в газете. Сможет ли адвокат Ардашев остановить Слепня?

Содержание

I	4
II	10
III	14
IV	16
V	20
VI	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Любенко

Слепень

Выражаю благодарность актёру театра и кино, режиссёру Николаю Васильевичу Денисову

Выпили все, но яду не достало, а палач сказал, что не будет больше тереть, если не получит двенадцать драхм – столько, сколько стоила полная порция цикуты.

Плутарх. «Сравнительные жизнеописания. Фокион»

I

Ставрополь, 18 января, воскресенье

1909 год царствовал уже две с половиной недели. Новогодние праздники закончились, и жизнь вошла в привычное русло: городская власть правила, судьи выносили приговоры, полицейские арестовывали, адвокаты защищали, врачи лечили, учителя преподавали, газетчики врали, а дворники с трудом справлялись с сугробами... Словом, всё как всегда. Зима. Темнеет рано. И вечерами в печных трубах воет вьюга, а кажется, что одинокая волчица ищет потерянную стаю. Правды ради надо заметить, что хищников уже не раз заме-

чали в предместьях города.

– А слышали, Клим Пантелеевич, что на 5-й Заташлянской волки почти всех собак, из тех, что на привязи, за ночь съели? – доктор Нижегородцев сделал глоток конька и неуверенно выдвинул белую ладью на поле а3.

– Скажете тоже – «на улице». Там этой улицы всего пять домов, а дальше поля и лес в балке. Охотиться – одно удовольствие. Ничего удивительного – окраина. – Ардашев поставил чёрного коня на f6. – Вам «гарде»¹, Николай Петрович.

– Это мы легко исправим-с, – Нижегородцев вернул ферзя на прежнее место. – Но волки – это ещё не самое страшное. Вы читали сегодняшний выпуск «Голоса Ставрополя»?

– Нет, ещё не успел. – Присяжный поверенный сделал безобидный, на первый взгляд, ход королём.

– А я прочёл – городская сенсация, знаете ли, – усмехнулся доктор и перешёл в наступление слоном.

– У нас по-другому не бывает, что ни день, то сенсация. А лучше бы о реальных ставропольских нуждах писали. На Ташлу вечером извозчики даже летом не хотят ехать. Ни одного фонаря. Перед Епархиальным училищем, по Архиерейскому переулку, вечная грязь. После дождя – болото. Местные жители хворост на дороге укладывают, чтобы телеги не вязли. Почему бы об этом не написать? Или о Воронцовской

¹ Гарде – угроза ферзю, раньше «гарде» надо было произносить вслух во время шахматной игры (прим. авт.).

роще, которая давно требует более внимательного отношения. Старые полузасохшие деревья давно пора вырубить и посадить новые. Хорошо бы и Александровскую площадь привести в порядок. Город наш богатый, купеческий. Зерно возим за границу, а сколько у нас электрических фонарей? Три десятка, ну пять от силы – позор. Чем вообще городской голова занимается? Или он считает, что его главная задача – в управе штаны просиживать?.. А кстати, что там в газете?

– Городу объявлен ультиматум. Три дня дано на его принятие. – Николай Петрович взял чёрную пешку и довольно улыбнулся.

– Может, передумаете? – спокойно предложил Ардашев. – А то ведь следующим ходом вам шах и мат.

– Проиграл так проиграл. Перехаживать не буду. Не повезло-с, – махнул рукой доктор.

– Так и что там за ультиматум? – наполняя рюмку гостя, вновь поинтересовался хозяин дома.

– Извольте полюбопытствовать, – Нижегородцев извлёк из внутреннего кармана пиджака газету и протянул адвокату. – Прямо на первой полосе. Под заголовком «То ли верить, то ли нет».

– Нашёл. – Ардашев сделал из рюмки глоток и принялся читать: – «В нашу редакцию пришло письмо следующего содержания. Смеем надеяться, что полиция не оставит эти угрозы без внимания. Итак, приводим текст полностью, дабы нас не упрекнули в желании его скрыть: “Настоящим

уведомляю всех горожан, что мною уже проведён суд над самыми мерзкими и низкими людишками Ставрополя. Я предлагаю им, уже осуждённым, покаяться, читая молитвы в искупление грехов, и заявить об этом искренне, отправив письменное покаяние по адресу: Ставрополь (губернский). Почтамт. До востребования. Подателю рублёвой купюры ВГ 387215. И сделать это надобно до 25 января. Только в этом случае мною может быть принято решение об освобождении от наказания этих лиц в связи с признанием вины. В случае неполучения покаянных писем всем осужденным преступникам приговоры будут приведены в исполнение в соответствии с нижеуказанным, а именно: 1. Старший советник губернского правления коллежский асессор Бояркин Виктор Самсонович обвиняется “в растрате казённой собственности, издоимстве и противозаконных поступках при заключении подрядов” и приговаривается к смертной казни. 2. Судья окружного суда надворный советник Приёмышев Павел Филиппович обвиняется в “умышленном назначении виновному наказания ниже того рода, которое определено ему законом, из корыстных побуждений, а также в осуждении заведомо невиновных лиц” и приговаривается к смертной казни. 3. Вольнопрактикующая врач Кирюшкина Екатерина Ивановна обвиняется в неоднократных “преступных изгнаниях плода” и приговаривается к смертной казни. Засим откланиваюсь, Слепень”».

— Простите, но кто отважился печатать этот бред? Это же

оскорбление! Люди, указанные в качестве обвиняемых, могут быть просто оболганы. Как бы там ни было, но у нас существует презумпция невиновности. Мало ли какому умалишённому что кажется? Как мог пойти редактор газеты на такой шаг и поставить в номер подобный пасквиль? – Ардашев вернул газету, поднялся и заходил по комнате.

– Вы правы. Тираж пытаются арестовать, но куда там! Расхватили! Главный редактор поясняет, что был в командировке в Медвеженском уезде, а его заместитель Кухтин распорядился пустить письмо в номер. Сенсация! Хотел тираж поднять. Сидит теперь у Поляничко и даёт объяснения. Все там. И даже Тимофеева – хозяйина типографии – и того притянули. Полицмейстер, говорят, лютует. Губернатор ему разнос учинил. Скандал на всю губернию.

– Откуда вам известны такие подробности?

– На Николаевском проспекте встретил судебного медика. Он и поведал.

– Деяния Кухтина, этого шелкопёра, подпадают под статью «О клевете и распространении оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов». Для возбуждения уголовного дела необходимо всего лишь заявление одного из лиц, указанных в газете. На этот раз, думаю, ему не отвертеться. Максимальное наказание предусматривает восемь месяцев заключения. Дадут семь с половиной.

– Ваша правда, Клим Пантелеевич. И поделом!

Глядя в окно, Ардашев проронил:

– Его может спасти только одно – приведение приговора в исполнение.

– Да что вы такое говорите? Неужто сие возможно? – доктор удивлённо приподнял брови.

Адвокат повернулся:

– А почему нет? Мы разве с вами мало чудес видели? Достаточно всего одной смерти, и он останется на свободе. До какого там числа ультиматум?

– До двадцать пятого.

– Сегодня восемнадцатое. Он дал им неделю. Разумно. Но за это время невозможно привлечь Кухтина к ответственности, судить, вынести приговор и отправить в тюрьму. Даже после окончания предварительного расследования обвиняемому даётся семь дней на поиск и выбор защитника. Так что его может спасти только чья-либо смерть либо неудачное покушение на кого-нибудь из приговорённых. Что ж, посмотрим, дорогой друг, чем закончится этот канкан.

II

– А известно вам, господин хороший, что всего через несколько минут вы окажетесь на нарах? – начальник сыскного отделения Поляничко растёр между пальцами табак, вложил в каждую ноздрю и, разразившись оглушительным чиханием, высморкался в платок.

Кухтин сидел на стуле и смотрел в пол, боясь поднять глаза. Наконец он вымолвил утомлённо:

– Вы уже битый час меня мучаете. Я сто раз вам объяснил, что без злого умысла передал в номер этот материал. Хотел интерес к газете поднять. «Северокавказский край» нас совсем задушил. Тиражи падают. Подписчиков почти нет. Вот я и решил...

– Ну-ну, он «решил», – передразнил Каширин и, взглянув на Поляничко, добавил: – Я вот тоже решил, душа египетская, вас в камеру отправить. Из какого сословия будете?

– Из разночинцев. Отец служит священником Казанской церкви в селе Привольном Медвеженского уезда.

– Во как! Думаете, попадёте к дворянам, чиновникам, купцам и себе подобным? Ан нет! Переведём к каторжным, беглым. Они вас к утру по частям в карты проиграют. Знаете, что такое по частям? Свяжут, в рот тряпку засунут и будут глумиться. Сначала пальцы отрежут, потом уши, следом нос...

– Что вам от меня надо? – стуча зубами, пролепетал газетчик.

– Как к вам попало письмо? – справился полицейский.

– Я его вынул из почтового ящика. Оно же со штемпелем. Его отправили по почте. Как и другие письма, что пришли в этот день.

– Допустим, – согласился Каширин, – но объясните, почему сразу к нам не пришли? Почему ждали выхода своей паршивой газетёнки и уже мы наведались к вашей светлости, а?

– Да потому что тогда вы бы ни за что не разрешили напечатать в сегодняшнем номере это обращение. Неужели не понятно? – возмутился репортёр.

– Посмотрите на него! Он ещё и кипятится! Какой наглец! – нахмурился Каширин.

– В общем, так, – вмешался Поляничко. – Пока ступайте домой и считайте, что находитесь под домашним арестом. Думаю, сегодня к вечеру мы получим заявления от потерпевших, и передадим материалы судебному следователю. Плачет по вам статья 1535 Уложения о наказаниях. Время не теряйте: собирайте тюремный сидор. Ну а ежели что вдруг вспомните ненароком – приходите. Завсегда рады новостям.

Дверь за Кухтиным закрылась.

– Ваши соображения, Антон Филаретович. Какие меры собираетесь принять? – Поляничко уселся в кресло и принялся листать настольный календарь.

– Я, естественно, понимаю, что все эти угрозы – блеф. Но

отыскать наглеца надобно. Есть у меня на этот счёт, Ефим Андреевич, одна мыслишка. Я отправлю письмо на почтамт с пустым конвертом и укажу обратный адрес, к примеру, судьи или докторши. И посажу агента на выдачу корреспонденции. Стоит «шутнику» протянуть рубль с указанной серией – мы его цап-царап!

– А зачем письмо-то отсылать? Пусть лучше наш человек там находится и ждёт того, кто предъявит указанный рубль.

– Можно и так. А что, если он слежку учинит за отправителями? – усомнился помощник начальника сыскного отделения.

– Он что, за всеми тремя разом следить будет? Смех! Не выдумывайте. Просто посадим человека на главном почтамте, и всё.

– А если преступников несколько? – не сдавался Каширин. – Всякое может быть.

– Послушайте, Антон Филаретович, я готов держать с вами пари, что никаких злодеев вообще нет. Это чьи-то глупые шутки. Если бы Кухтин выбросил злосчастное письмо в мусорную корзину, всё было бы в порядке.

Поляничко задумался на миг, но тут же спросил:

– А вдруг он сам придумал всю эту катавасию?

– То есть газетчик его и сочинил? – переспросил Каширин.

– Ага, для поднятия тиража. А теперь боится в этом признаться. – Поляничко поднял вверх указательный палец и до-

бавил: – Допускаю, что всё это они заранее согласовали с редактором. И тот, чтобы отвести от себя подозрение, выдумал командировку в Медвеженский уезд.

– Резонно. Пожалуй, надо проверить их «Ундервуды» на предмет совпадения печатных следов букв на бумаге и в письме.

– А вот это правильно. И не теряйте времени. Стало быть, первое: готовим материал для передачи судебному следователю Леечкину по статье о клевете, распространении ложных слухов и оскорблениях; второе: внедряем своего агента на почту и третье: проверяем печатные машинки этой несчастной газетёнки. Всё. – Поляничко поднялся и одёрнул полы пиджака, – пора к полицмейстеру на доклад. А вы занимайтесь, Антон Филаретович, занимайтесь. Работы – непочатый край.

III

24 января, суббота

Впервые за последние три дня коллежский ассессор Виктор Самсонович Бояркин проснулся в прекрасном настроении, и причин тому было две. Во-первых, угрозы безымянного злодея не проявились, несмотря на то что Виктор Самсонович никаких покаянных писем не писал, а во-вторых, приснился ему сладкий, как первый поцелуй, сон и вставать не хотелось. Пригрезилось, что он самый настоящий персидский шах и в гареме у него все пятьсот учениц женского духовного училища, что на Невинномысской улице. Этакие лапоньки-скромницы. А верховодит этим «цветником» его любовница, актриса местного театра Людочка Заславская. Готовит себе достойную, так сказать, смену, обучая невинных красоток разного рода любовным премудростям. «К чему, интересно, снится гарем? – пронеслась в голове любопытная мысль. – Супружница наверняка знает, так ведь у неё не спросишь. ...Актриска моя небось ещё в кровати нежится. У неё сегодня вечером премьера. Обязательно сходим с супругой. А в понедельник надо к ней заглянуть, – он сладко облизал губы, – почти неделю не виделись. Служба-с. Оттого, верно, и приснилась... негодница».

Виктору Самсоновичу совершенно не хотелось отпускать

эти приятные мысли, и потому он продолжил фантазировать. «А вот бы и правда гарем завести? Ну, можешь себе позволить – изволь! Ты состоятельный человек, не какой-нибудь там инженеришка на заводе Руднева и Шмидта или земский врач в уезде... Конечно, не купец первой гильдии и даже не второй, но всё же деньжата имеются. Так почему нельзя жить, как хочется?» – старший советник губернского правления тяжело вздохнул и пришёл к выводу, что ничего подобного в Ставрополе сделать не дадут. «Ещё и в тюремный замок упрячут». От этой мысли затошнило, ведь в городской тюрьме он, как член попечительского комитета «О тюрьмах», был второго дня. Правда, вместо обхода камер попил чаю в кабинете начальника и через полчаса уехал с подарками, но осадок остался нехороший, будто ночью попал на кладбище, да ещё в осеннюю распутицу. Грязь и страх. И серая безысходность. В коридорах хоть нос закрывай, никакой «Брокер» не поможет. «А всё-таки надобно съездить в епархиальное женское училище на Софиевской площади, начальницу навестить, на воспитанниц поглядеть...».

Из приятного полузабытья вывел механический звонок. Не телефонный, а дверной. Он был не такой, как обычно, а тревожный. Так звонят, когда приносят телеграмму о смерти родственника или доставляют судебную повестку. «Не к добру», – мелькнула липкая, как холодный пот, мысль, и сердце застучало, точно молоточек будильника.

IV

Надворный советник, судья окружного суда Павел Филиппович Приёмышев – невысокий, худосочного телосложения человек – завтракал с супругницей не спеша, как и положено человеку важному и с достатком. Время от времени он делал жене небольшие замечания: то сетовал, что в кизило-вое варенье недоложили сахару и оно теперь кислит, то масло отдавало горчинкой, то окорок казался недокопчённым, то окна плохо проклеили к зиме и от этого много лишних дров приходится тратить. Хозяйка вздыхала, краснела, точно подсудимая, в глаза мужу старалась не смотреть и всем видом показывала полное раскаяние. Будучи моложе на пятнадцать лет и родив сына и двух дочерей, она тем не менее не утратила прежней красоты. Супругу не перечила, была существом кротким и богобоязненным. Не жена, а мечта.

Иногда казалось, что Приёмышев мстит окружающим за неказистую внешность, за унижения, которые он перенёс в детстве из-за своего маленького роста и неестественной худобы. Как только его не дразнили! И Скелет, и Огрызок, и Окурок. Трём своим обидчиками из гимназического прошлого он уже отомстил: судьба отправила их на скамью подсудимых как раз к Павлу Филипповичу. Ух, и потешился он тогда от души, позлокозничал! Теперь Приёмышев изменился, хоть и не вырос, и не потолстел. Но взгляд стал тя-

жёлый, будто кузнецом всю жизнь работал, руку подаёт этак наизнанку, и, кто пожмёт её, чувствует некую неловкость, переживает потом, что, может, пожал недостаточно крепко или, наоборот, сильно надавил и причинил неудобство уважаемому человеку. Ссориться с ним – себе дороже. В России верно говорят: от тюрьмы и сумы не зарекайся. Всякое может случиться. «Сегодня ты князь, а завтра грязь».

Сам же судья делил общество на две категории: негодяи, заслуживающие наказания, и негодяи, избежавшие кары по случайности, до которых меч Фемиды пока ещё не дотянулся. И хоть полным мизантропом он не был, но более всего не переносил присяжных поверенных, этих тщеславных и самодовольных франтов, обиравших клиентов до нитки так, что судье они уже ничего не могли поднести. Бесило также и то, что адвокаты, воздействуя на присяжных красноречием, часто добивались оправдания подсудимых. И это обстоятельство всегда приводило Приёмывшева в бешенство, из-за того что рождало в обществе обманчивое, иллюзорное мнение о возможности избежать справедливого наказания. После каждого вердикта «не виновен» его лицо багровело до цвета варёной свеклы. Но ничего не поделаешь, приходилось мириться.

Появление фамилии Приёмывшева в списке лиц, подлежащих казни, поначалу его даже развеселило, но после глубокого раздумья он вдруг впал в тоску. «А чем чёрт не шутит? – подумал он. – Мало ли сумасшедших? Да и откуда

этот безымянный наглец может знать о некоторых моих приговорах, которые я выносил единолично, будучи ещё мировым судьёй?.. А что до подношений, так все берут и я брал. Но в меру и крестясь... Каялся потом, Господу свечи ставил, гривенники нищим жаловал... Все мы грешны. А кто не грешил, тот и Богу не маливался. Совсем без греха только младенцы несмышленные рождаются. А чуть умишко появится, смотришь, малец уже мамку обмануть пытается... Газетчика всё-таки надо будет всенепременно наказать за распространение лживых слухов. Оставлять это дело без ответа никак нельзя. Жаль, времена нынче не те, а то бы вынес постановление, чтобы ему прилюдно, на площади, пару сотен плетей всыпать, как раньше. Последнее время народ распоясался и потерял уважение к власти. Так, глядишь, и до бунта, и смуты недалеко, а допустить нельзя, ведь для того государем тут и поставлен».

Изрядно насытившись, Павел Филиппович хотел уже встать из-за стола и пройти в кабинет. Только он поднялся, как сработал механический звонок входной двери. Так скрипит на ветру поломанное дерево или несмазанное колесо у старой телеги. Звонок и раньше скрипел, и Приёмышев не раз говорил жене, что его надобно смазать или заменить, но разве кто в России понимает с первого раза? Была суббота, горничную отпустили в деревню на выходной, и дверь надо было открывать самим. Поняв это, супружница неуклюже подскочила из-за стола и разбила кружку из кузнецовского

фарфора. «Замешкалась, как чумная, не зная, что ей делать, но всё-таки, слава Богу, понеслась в переднюю», – с сожалением отметил про себя судья.

Звонок вновь проскрипел, только теперь звук был похож на кашель простуженного старика. Будто вторя ему, где-то на улице завывла собака. «Дурное предзнаменование», – невольно подумал Приёмывшев и, глубже запахнувшись в халат, пошёл вслед за женой.

V

Екатерина Ивановна неожиданно проснулась. На сердце скребли кошки. Вернее, кот по кличке Примус. Он сидел у двери и голосил, будто был не январь, а самый настоящий март. «На улицу просится. А я забыла оставить форточку открытой. Раззява. Сама виновата. Вставай теперь», – подумала она. Печь остыла, и холод уже успел забраться под одеяло. Доктор нехотя поднялась с постели, накинула халат, сунула ноги в войлочные тапки, сгорбившись, прошаркала в коридор и отворила форточку. Примус прыгнул и исчез. Уже в спальне она вдруг остановилась перед зеркалом. На неё смотрело недовольное женское лицо с волевыми горизонтальными морщинами на лбу, тонкими поджатыми губами с прямыми вертикальными складками и усталыми, отёкшими глазами... Ей уже пятьдесят два. По нынешним меркам бабка. Да и по прежним тоже. Она горько усмехнулась, вспомнив, что в «Сказке о рыбаке и рыбке» старухе было примерно столько же. Но разница в том, что она никогда не была замужем. Нет, мужчин она не избегала. Напротив. Поклонников всегда и раньше хватало. А теперь, понятное дело, их почти нет, если не считать санитаря из морга – недалёкого сорокалетнего пройдоху, на которого она тратила все свои заработки, пытаясь удержать рядом... Господи! Зачем пришёл этот совершенно ненужный выходной, когда она оставалась на-

едине со своим одиночеством... «Скоро горничная должна появиться. Девке девятнадцать лет, а за ней, с ума сойти, половина Ташлы бегают. На рынке ни один мужик не пройдёт мимо, чтобы не повернуть голову. Красавица нашлась, тоже мне. Знаем мы, чем эти юные смазливые бабёнки заканчивают...» Она вдруг вновь вспомнила эту мерзкую газетную статейку и сморщилась, будто от зубной боли. «Что же будет дальше? Неужто полиция опять придёт и снова будет допрашивать? Пусть. Всё равно ничего у них не выйдет. Каждая акушерка этим грешит, но поди проверь, пока смертельного случая не случилось... За потраву плода – до шести лет тюрьмы, а если беременная умерла – каторга лет на восемь обеспечена...»

Она вновь залезла под одеяло и закрыла глаза. Сквозь сон слышала, как кот вернулся в комнату через форточку. А потом пригрезился кошмар: её, живую, заснувшую летаргическим сном, положили в гроб и начали забивать гвозди. Стук, стук, стук... Стук, стук, стук... Доктор открыла глаза. Стучали в дверь. Настойчиво. Бывало, что и Екатерина Ивановна стучала так же настырно в чужие двери, но чтобы кто-то посмел так тарабанить ей? Нет, не припоминала. Подобными манерами обычно грешат казённые люди, чьи визиты всегда означают беду... Кирюшкина торопливо прокашлялась и пошла отворять.

На пороге стоял почтальон.

– Примите извещение, вам посылка.

VI

25 января, воскресенье

Поляничко и Каширин стояли перед полицмейстером и смотрели в пол. Фен-Раевский взял лежащий перед ним объёмистый четырнадцатый том «Свода законов государства Российского», открыл заложенную матерчатой закладкой страницу и провешал:

– Позволю напомнить вам, милостивые государи, положения статьи 106 «Свода уставов о пресечении преступлений»: «Полиция обязана открывать безымянных сочинителей ругательных или иных для чести оскорбительных сочинений». Вы слышите «обязана»! Это значит, что вы свои обязанности на сей момент выполняете прескверно. Я ещё раз вас спрашиваю, почему преступник ещё на свободе и почему адресанта не арестовали, если на посылках стоит штемпель ставропольского главного почтамта?

– Ваше высокоблагородие, смею заметить, что наш агент, внедрённый на почту, не обратил внимания на эти посылки, поскольку он не может отследить все почтовые отправления. Он ждёт того, кто предъявит рубль с известным номером, – попытался оправдаться Поляничко.

– Он может описать этого человека?

– Никак нет. Посылки принимал другой служащий.

– Обратный адрес там был указан?

– Был. Мы его проверили, и оказалось, что мещанин Раболепов, проживающий на Ольгинской, 26, никакого отношения к отправлению посылок не имеет, – доложил Каширин.

– Хорошо. Допустим. Но какие у вас есть соображения? Как вы можете объяснить именно такое содержание посылок?

Наконец, полицмейстер опустил в кресло и предложил присутствующим сесть.

– Коллежскому ассессору Бояркину, как вам известно, прислали пулю, гусиное перо, три серебряных гривенника 1908 года и покаянную молитву, отпечатанную на пишущей машинке. В конце приписано, что у него есть всего одни сутки, в течение которых сразу после получения его покаянного письма этот Слепень объявит так называемый милостивый манифест об освобождении от смертной казни. Ещё, – Поляничко пожал плечами и опасливо посмотрел на полицмейстера, – судье зачем-то положили кусок засохшего сыра с вилок для мясной нарезки и шесть серебряных монет по пять копеек. Там тоже есть покаянная молитва об отпущении грехов, копия похожего письма-предупреждения, с той лишь разницей, что изменены фамилия, имя, отчество и чин...

– Вилку для нарезки?

– Ну да. Знаете ли, у неё два острых и прямых зубца и ручка без изгиба.

– Понятно. Продолжайте.

– У врача оказалось две серебряные монеты по пятнадцать копеек и крысиный хвост. Приложена покаянная молитва о загубленных младенцах в утробе матери. Также ультиматум о применении милостивого манифеста в случае полного раскаяния. Можно предположить, что это всего лишь чьё-то хулиганство.

– Полагаю, что тридцать копеек серебром – намёк на тридцать сребреников. Преступник нам даёт возможность понять, что все трое совершили преступления из корыстных побуждений.

– Безусловно.

– Позвольте? – Каширин посмотрел на Поляничко, и тот кивком головы разрешил высказаться. – Вот пуля, что лежала в посылке Бояркина. – Он вынул из кармана кусок свинца и положил на стол. – Видите, ваше высокоблагородие, она представляет собой окатанный цилиндр. Такие охотники до сих пор используют. Исходя из этого, смею предположить, что злоумышленник, скорее всего, охотник.

Фен-Раевский недовольно поморщился:

– Что даёт нам эта гипотеза?

– Я уже общался с агентурой, служащей приказчиками в оружейных магазинах. Они все как один утверждают, что сейчас такие пули спросом не пользуются, вместо них на кабана применяют жакан. Но есть ещё любители. Это чаще всего старые охотники. Они известны в городе. Если кто по-

явится и решится купить – сразу дадут знать.

– А зачем покупать? – удивился полицмейстер. – Многие сами лют. Используют пулелейки. Это уж совсем белоручки в магазин наведываются. У меня тоже ружьишко имеется. Боюсь, это нам мало поможет... Тут надо искать другую закономерность. А гусиное перо для чего?

– Трудно сказать.

– А вот что объединяет пулю, гусиное перо, сыр, вилку для нарезки и крысиный хвост? – задумчиво выговорил полицмейстер.

– Скорее всего, намёк, – предположил Поляничко. – Возможно, Слепень знает что-то известное только ему и каждому из адресатов.

– А может, это какая-то история про крысу, сыр, гусиное перо и убийство пуль? – несмело предположил Каширин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.